

Вступительное слово редактора

Дорогие читатели!

Мне очень приятно снова представить Вам новую книгу Жан-Мари Робина — Французского гештальт-терапевта, ныне живущего (что очень приятно) теоретика и исследователя гештальт-терапии и психотерапии, автора уже известной Вам книги «Быть в присутствии другого» и многочисленных статей и докладов, сделавшего очень много для развития гештальт-терапии в Европе (в качестве Президента Европейской Ассоциации Гештальт-терапии), во Франции (как преподаватель гештальт-терапии и директор Французского Гештальт Института), а также в России, Украине, Белоруссии и Казахстане (когда Жан-Мари многократно приезжал на семинары, конференции, интенсивы, начиная с 1994 года).

Книга «Социальные изменения начинаются вдвоем» — удивительная книга. В ней мы знакомимся с Жан-Мари Робинем как с философом и даже поэтом. Я никогда не слышала за годы нашего знакомства, чтобы он произносил фразу — «гештальт-терапия — это практическая философия» или «личная философия терапевта», так стали говорить многие вслед за Даниилом Хломовым и Еленой Калитеевской, которые уловили таким образом невысказанную прямо, но присутствующую в лекциях и работах Жан-Мари суть позиции гештальт-терапевта.

В этой книге Жан-Мари можно увидеть эту позицию философа в самой ткани повествования, в том, как он обращается с идеями формы, пространства и времени, слова и смысла. Настоящий дух гештальта проявляется в том, что он не дает ясных окончательных решений, тех самых готовых форм, которые останавливают развитие, а дает возможность читателю присоединиться к совместному мыслительно-переживательному процессу познания в его уникальности и эфемерности.

Мне кажется, что эту книгу стоит читать не спеша, как поэтическое произведение, следуя не только за логикой рассуждений, но и позволить себе насладиться самим движением рассуждений, их открытостью и незавершенностью, в которых при этом содержится ясность и честность «хорошей формы».

Жан-Мари, сам прекрасно владея *ремеслом* гештальт-терапевта, переводит гештальт-терапию на уровень философского исследования уникальности жизни человека, присутствия его в пространстве социальных отношений, в пространстве глубинных смыслов, в пространстве называемого — поэзии. И затем снова обратиться это исследование в *инструмент* гештальт-терапевта, как *средство* для поддержки процесса клиента.

Как в любом настоящем поэтическом произведении от читателя требуется со-переживание, со-создание целостных насыщенных образов, читателю приходится наравне с автором делиться богатствами своих фонов, своих ассоциаций и опытов, чтобы текст стал формой общего со-бытия. В награду за такой труд читатель обретет новый опыт встречи с миром автора, потому что в этой книге Жан-Мари присутствует очень лично и открыто, предоставляет нам свое видение, свои ритмы и вибрации, свою любовь к гештальт-терапии, свои замешательства и противоречия при постижении ее.

Еще раз скажу, что книга эта — удивительная, она оставляет после себя ощущение ошеломления, как у Алисы, оказавшейся в Зазеркалье. Вместо клинического пространства, где действуют законы диагностики, лечения и излечения, мы обнаруживаем человека в пространстве красоты форм, законов динамики фигур и фонов, движения времени и отношений. В озадачивающем хаосе и мы обнаруживаем безусловное уважение и интерес к человеку, к загадке его Я (та самая теория Self многократно рассматривается в книге с разных сторон и становится почти доступной пониманию), к его праву выбирать, разрушать старый и создавать новый свой собственный способ бытия, свою *форму* существования, свой *порядок* жизни, размещая его в отношениях с другим. Этот подход дает новые оттенки пониманию автономии и свободы в гештальт-терапии, свободы творчества, а не вседозволенности, автономии *в отношениях* с другим, а не в противостоянии.

Хочется сказать еще отдельное спасибо переводчику, Юлии Абдуловой, что ей удалось сохранить и философские, и поэтические качества языка Жан-Мари Робина, и сделать еще одну встречу с ним глубокой и живой.

Так продолжается знакомство с гештальт-терапией, участие в ее формировании, создании новых форм и вновь знакомство...

Хорошего Вам чтения!

Наталья Кедрова

Предисловие

Моя предыдущая книга — «Быть в присутствии Другого» — состояла из нескольких эссе и примеров с иллюстрациями, объединённых задачей углубления и совершенствования процесса изменения основной парадигмы гештальт-терапии. В своём основополагающем тексте 1951 года, где эксплицитно, а где в имплицитной форме, гештальт-терапия действительно выводила практику и теоретическое осмысление психотерапии единственно из интрапсихического, чтобы затем заново осмыслить их в перспективе поля на основании концепции контакта, указывающей на внутренние движения поля, и на концепции построения форм — то есть, на терапии гештальта.

Эссе и записи лекций на конференциях, собранные в этой книге, продолжают предыдущую. Я оставил их в изначальном виде, и значит, читатель иногда будет встречаться с повторами, поскольку в независимом контексте каждого из этих эссе иногда было полезно и необходимо выстроить фундамент для последующего изложения.

Даже если может показаться, что приведённые исследования развиваются во все стороны наподобие корневой системы, они объединены названием отдельной главы, которая служит заголовком и для всей книги: «Социальные изменения начинаются вдвоем». И действительно, здесь много будет говориться об отношении измерения психотерапии, о формах, которые она приобретает, о критериях, которые она задействует. Их разработка шла на фоне угрозы со стороны некоторых упёртых политиков, требовавших регламентировать профессию психотерапевта. И вот, их стараниями профессионалы с университетскими званиями, но без всякой специальной подготовки, «на законных основаниях» становятся психотерапевтами, а другие могут лишь надеяться на это, когда пройдут экзамен у вышеупомянутых «профессионалов» при условии наличия у них академических знаний в области психопа-

тологии. Не стоит отрицать необходимости обширных знаний в этой области, но практика психотерапии не может ограничиваться только ими. Работа над собой с помощью углублённой личной терапии, непрерывная супервизия, социальные навыки, деонтологические обязательства, признание равными, коллегами — представляют собой, наряду с остальным, основы профессии, которая смогла в итоге самоорганизоваться, причём обучение психотерапевта было в 6-8 раз более длительным, чем то, которое требуют сегодня государственные власти в своей псевдо-заботе об общественной безопасности.

Идея опираться в профессии лишь на знания в области психопатологии приводит к практике, противоположной той, что предложена в этой книге. Если одна психотерапия может существовать в медицинской модели, поскольку для этого у неё есть показания, то другая оказывается ближе к философской концепции этой специфической работы, третья — к эстетической, какая-то четвёртая — к герменевтической, причём все эти концепции центрированы на ситуации — на том, что происходит между данным психотерапевтом и данным пациентом.

В первой части, названной «Фон», собраны эссе о фундаментальных понятиях гештальт-терапии. В частности, первое эссе «Self в ситуации», переформулирует и резюмирует часть тезисов, которые я выдвигал в своей предыдущей работе, и я надеюсь, это позволит лучше воспринять то, что будет предложено далее.

Часть вторая — «Пережитое» затрагивает темы, связанные с психопатологией, то есть, с некоторыми искажениями и деформациями человеческого опыта, приводящими к страданию. Здесь, в частности, вы найдёте две главы о стыде — одной из главных интересующих меня тем, которую я начал разрабатывать с 1990 года.

«Формы» — название третьей части. Здесь в центр моих рассуждений поставлена эстетическая парадигма. Само слово «форма» — один из возможных, хотя и не исчерпывающих переводов немецкого понятия гештальт. Таким образом, гештальт-терапия означает терапию тех форм, которые каждый из нас придаёт своему существованию, своим контактам, отношениям, действиям.

Ссылка на эстетику не обязательно связана с понятием красоты, она опирается на *æsthesis*¹, ощущение и формирование форм.

И наконец, последний раздел — «Бытие вместе с» обращает особое внимание на процессы, события, условия (со всеми последствиями) всего того, что постепенно выстраивается между терапевтом и пациентом и что принято называть «терапевтическими отношениями». Здесь мы далеки от мифа о нейтральности, который длительное время нависал над нашей профессией и тень которого всё ещё даёт о себе знать. Последний раздел «О том, что я думаю... И о том, что я думаю, что думаю» мог бы рассматриваться как заключение, если только мы согласимся придать ему незавершенный характер. Этот раздел действительно содержит часть моего *кredo* — в смысле идеи, что с течением времени, некоторые убеждения должны иметь возможность меняться. И правда, после 45 лет практики психотерапии, я гораздо меньше в чём-то абсолютно уверен, чем в начале своего пути.

¹ *Æsthesis* — чувство (греч)

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить всех, кто сопровождал и поддерживал меня в течение последних лет — коллег и студентов, чьи комментарии, вопросы, приглашения, вызовы всегда были для меня импульсом в исследованиях и размышлениях.

Во-первых, я благодарю Брижит Лапейрон-Робин — мою супругу и первую читательницу — за внимание, поддержку и критику.

Моих коллег преподавателей Французского института Гештальт-терапии: ещё раз Брижит, в также Анн Кретьен, Кристиана Гарриве, Ксимо Таррегу, Пьера-Ива Горио, Доминик Мишель, Эльвиру Дуэньас, Франсуазу Деро, Жана-Пьера Гарриве, а также ассоциированных преподавателей Андре Лами, Николь де Шревель, Жака Блэза, Мари Пети, Патрика Колена, Эдит Бланке, Николь Гардао.

И всех моих иностранных коллег, которые оказали мне любезность, пригласив поучаствовать в своих размышлениях и в организованной ими системе обучения — особенно: Майкла В. Миллера, Дэниэла Блума, Руэллу Франк, Мириам Муньос Полит, Кармен Васкес Банден, Монику Ботело Алвим, Маркоса и Розану Мюллер-Гранзотто, Сельму Чиорнай, Мириам Сас де Гитер, Марту Слеменсон, Клаудию Товора, Маргериту Спаньоло Лобб, Джанни Франчесетти, Мариано Пиццименти, Томаша Флайса, Руди Котника, Наташу Кедрову, Даниила Хломова, Елену Мазур, Юрия Шевченко, Анну Бычкову, Инну Дидковскую, Альбину Мартын, Олю Евтушенко, Александра Моховикова, Елену Петрову, Сергея Кондурова, Наталью Миронову...

ФОНЫ

1

Self ситуации²

Опубликовав более шестидесяти лет назад работу «Гештальт-терапия», Фредерик Перлз и Пол Гудмен предложили настолько новый подход к психотерапии, что их идеи остаются предельно актуальными и сегодня: они сдвинули понятие Я (self) с закреплённого за ним центрального местоположения, делокализовали его и снабдили темпоральностью. В «современном», так называемом «солипсистском», подходе индивидуальное «я» было признано единственной реальностью, а психика составляла одну из главных его ипостасей. Опираясь на простую и очевидную истину — а именно, на идею о том, что всякая человеческая функция есть контакт со средой, авторы структурируют мысль и практику абсолютно новаторски, в прямом соответствии с природной концепцией человеческой сущности.

Понятие Я (Self) тогда ещё не получило распространения в языке психоанализа и психотерапии. К тому времени оно ещё не было прославлено такими авторами как Дональд Винникот или Хайнц Кохут. И когда понятием Я (self) всё же пользовались, оно обычно сводилось лишь к отдельным своим аспектам и рассматривалось как более или менее устойчивая сущность. Зачастую такая ситуация наблюдается и сегодня. В гештальт-терапии то, что мы называем «Я (Self)», существует только там и тогда, где и когда есть контакт. Согласно этой концепцией, нельзя сказать, что Self существовал изначально, а потом проявился, выразился в контакте. Мы полагаем, что Я (Self) и есть контакт. Это свёртывание и развёртывание. Это — движение. Это практика творческого приспособле-

² Опубликовано в 2004 году в Actua-Psy — журнале SNPPsy

ния, происходящего на границе контакта организм/среда. В поле, определяемом как «организм и окружающая его среда», функция self обозначает внутренние движения поля, движения интеграции и дифференциации, унификации и индивидуации, действия и преобразования... Для того, чтобы расти и развиваться, организм должен сталкиваться с чем-то новым, другим, с чем-то отличным от него самого; организм создаёт из этого нового фигуру, то есть — строит гештальт; и в этом контактировании, которое он таким образом осуществляет, будучи увлечён возбуждением, сопровождающим «формирование форм», организм снова возвращается к процессу продолжающейся индивидуации, постоянно повторяющейся дифференциации (разграничению) себя и мира. Этот процесс и называется self. «Self — это всего лишь небольшой фактор во всеобъемлющем взаимодействии организм/среда, но он играет в нём ключевую роль, разрабатывая и создавая смыслы, благодаря которым мы можем развиваться».

Такая делокализация Я (self) и его последующее позиционирование как феномена поля вызывает удивление своим пророческим характером — стоит вспомнить работы многочисленных философов, социологов, эссеистов второй половины XX-го века. На страницах «Гештальт-терапии» внимательный читатель непременно заметит некоторые колебания между традиционной концепцией self-сущности, которую некоторые более поздние авторы называли «я-объект», и новаторской концепцией, которая начинает из этих колебаний возникать. А с ней возникнет и новая парадигма, которую будут развивать — часто в менее радикальном ключе — некоторые авторы постмодерна, социального конструкционизма, интерсубъективного психоанализа и другие авторы теорий личности.

Будучи ещё только провозвестниками новой концепции, эти авторы не стараются строить свой подход на какой-либо метапсихологии, хотя довольно часто позволяют читателю почувствовать то восхищение (не без критики), которое они питали к Фрейду. Они охотнее опираются на антропологию, на концепцию человека-в-мире, а также, и возможно — главным образом, на саму терапевтическую ситуацию. И если они и заимствуют некоторые концепты, то заново определяют их уже в перспективе ситуационного

поля. Так, например, фрейдовское «id» — первоисточник энергии влечения — уступает место «id ситуации», тем самым очевидно подтверждая произошедшее изменение парадигмы. И вот уже психотерапия перестаёт определяться как применение неким экспертом некоего готового знания, которое будет выражаться через интерпретации или другие профессиональные действия. Психотерапия, в самую первую очередь, является ситуацией — ситуацией контакта здесь и сейчас, реальностью и одновременно — метафорой или метонимией (переименованием) прошлого, будущего, а также другого пространства, другого места («не-здесь»).

Если человек сам создаёт ситуации и одновременно создаётся ими, психотерапия может становиться чем-то вроде лаборатории. И развитие осознания контактов, прерываний и искажений подтверждает метод гештальт-терапии как применение феноменологии к клинической области и — смеем утверждать — как настоящий анализ *dasein* (бытия-здесь)

«Гештальт-терапия» начинается со слов, вдохновлённых аристотелевской традицией: «Опыт находится на границе между организмом и средой». А заканчивается словами: «В опыте, богатом контактом, «я» [...] идентифицируется с self в развитии [...] и в момент самореализации уходит с дороги». За какие-то несколько десятков страниц мы преодолели пропасть, разделявшую Аристотеля и философию Дао — два подхода, которые особенно высоко ценили авторы. А между этими двумя подходами расположились Иммануил Кант и Зигмунд Фрейд, Уильям Джеймс и Курт Левин, Макс Вертгеймер и Бенедетто Кроче, Отто Ранк и Пауль Федерн, Мартин Бубер, Марсель Пруст и многие другие авторы, чьи работы питали дальнейшее осмысление, которое, как утверждал Перлз, не может быть интроецировано в массовом порядке без дентальной агрессии, без творческого участия читателя, без воплощения в собственном опыте.

Произведение, оставленное нам основателями гештальт-терапии, нуждается в многочисленных доработках. Прошло уже более шестидесяти лет, а протоптанные ими тропинки так и не стали проезжими дорогами. Задача сделать их таковыми принадлежит теперь тем, кто называет себя их последователями. Задача не из лёгких, если мы не хотим свести провидческие догадки этих авто-

ров к упрощённому набору инструментов, как это, к сожалению, часто происходит в последние десятилетия. В данном эссе я хотел бы развить некоторые их изначальные предложения и даже усилить их, надеясь при этом сохранить то умонастроение, которое руководило ими в формулировании гипотез.

А. Self как развёртывание

Self — это не *только* субъект, и значит, self опирается не только на id-ентичность. Ясно, что одна из главных трудностей, с которой мы сталкиваемся в понимании теории self в гештальт-терапии — и, соответственно, в её клиническом применении — заключается в разнице прочтений концепции self³. Мы подчиняемся существующей в нашей культуре тенденции, заставляющей нас подтягивать self к субъекту, к персоне, а значит, материализовать self, придавать ему некие контуры — и точно так же, нам сложно представлять самих себя иначе чем через контуры «я»/«не я»... Одна из самых больших сложностей в развитии идей на эту тему в XX-м веке заключается в определенном наложении, совмещении концепта self — или концепта субъекта — и концепта личности или индивида. Если мы ставим своей задачей понять работу Гудмена и труды целого ряда мыслителей второй половины прошлого века, следует, мне думается, различать и не смешивать воедино такие понятия как «self» и «личность», «субъект» и «индивид».

«Self» отсылает нас к операции возвращения к истоку действия. Это — рефлексивная операция, в результате которой действующее лицо уточняется, ограничивается, определяется. Эта операция подразумевает интеграцию в поле с целью обеспечить продолжающуюся дифференциацию. Это — не об индивиде, а об индивидуации. Как сказано у Монтеня⁴: «Я не рисую человека, я рисую

³ В разных переводах Self на русский язык можно встретить Такие варианты как «самость», «Я», «Личность», «Селф». На данный момент наиболее точно передающим смысл «Self» нам кажется вариант «Я-сам». В этом тексте мы оставляем английское написание Self, как это и делает автор. (прим. редактора)

⁴ «И я не рисую его неподвижным. Я рисую переход, и не от возраста к возрасту, но от одного дня к другому, от минуты к минуте.» Мишель де Монтень. Опыты (Les Essais). (Прим.переводчика)

переход». И тогда self обозначает рефлексивную операцию как составную часть дифференциации я/мир. И только как следствие, self обозначает ещё и результат такой операции.

Этот «результат», который мы называем «я», также указывает на отличие от другого. «Быть собой значит не быть созданным ни другими людьми или другим человеком, ни существующим порядком вещей. Это не давать себя кормить» (Мальдине, 1992). Если быть самим собой означает не быть сделанным (или накормленным) другим человеком, будь он даже терапевт, если к тому же нам хорошо известно, что мы сделаны из инаковости, многообразия, интроектов и идентификаций, то это «я» — которое здесь в полной мере приобретает своё значение self — и является тем уникальным оператором, который выходит за пределы самих операций, и в котором так ощутимо присутствуют другие.

Я не хочу здесь приводить собрание цитат из Перлза и Гудмена с целью показать, как наш основополагающий текст непрерывно колеблется между этими двумя концепциями self — одна из которых мыслится как сущность, а другая — как действующее лицо, оператор; одна — организм, наделённый потребностями и желаниями, а другая — настаивает на необходимости постоянного создания значений; одна — определяющая контакт-с-миром как «идти навстречу и брать из», а другая — говорящая о контакте в терминах творческого приспособления и построения/разрушения гештальтов. Здесь чувствуется напряжение (и не всегда диалектическое) между собственными предложениями Перлза и собственными предложениями Гудмена.

Но что мне здесь важно, так это прояснить, с какой категорией self работает психотерапия.

Если мы определим психотерапию как:

- осуществление интервенции в отношении психического содержания;
- действие эксперта в области организации личности;
- деятельность некоего «специалиста по изменению» в пользу изменяемого, а в будущем — изменённого;

- сокращение патологии и сопровождающего ей страдания по отношению к некой внешней норме и определению здоровья/нездоровья — и т.д.,

то нам, видимо, придётся опираться на такую концепцию self, которая теоретически определяет self в категории сущности и мы с удовольствием ощутим соблазн всех тех теорий, которые предлагают нам внутреннюю организацию индивида, её компоненты и структуры, её «объектные отношения» или другие так называемые «внутренние» структуры.

Но если мы определим психотерапию как встречу, которая позволяет «появиться», причём «появиться в открытом множестве ситуации» или, как я люблю говорить, «появиться в связи с присутствием другого человека», приоритет будет отдан рефлексивности self — то есть, движению поля, которое поддерживает непрерывную индивидуацию «из положения между».

Таким образом, выявляющий подход будет направлен скорее на познание индивида, исходя из индивидуации, чем на познание индивидуации, исходя из индивида (Симондон, 1964).⁵ Так операция по обретению формы определяет человека: человек до всякой индивидуации есть поле, богатое потенциальными возможностями, и это поле может существовать лишь в становлении, то есть — в индивидуации. Здесь-то и требуется терапевтическое сопровождение: терапевт будет сопровождать человека в его генезисе.

Субстанциалистская традиция предлагает нам упорствовать в ошибочном понимании «отношения», которое она представляет как постоянные логические отношения между терминами, уже существовавшими на момент их включения в эти отношения. Если мы последуем за Симондоном и его предложениями, переворачивающими традиционную точку зрения, изучение индивидуации делает из субстанции (которая могла бы обозначать здесь индивида в качестве фиксации процесса) «Экстремальный случай отношения: случай ненаполненности отношения» (Симондон, 1964). Он полагает, что только теория, которая будет рассматривать че-

⁵ Симондон считал, что живое живет на пределе самого себя ... содержанием внешнего пространства на пределах живого» («Индивид и физико-биологический генезис», 1964).

ловека через множественность операций, в которых он получает индивидуацию, будет в состоянии трансформировать подход к отношению: «Человек рассматривается как некто «становящийся» сам через установление связи».

Таким образом, индивид *состоит из* отношений, из связей. И это «состоит» должно пониматься на двух уровнях:

- индивид есть ни что иное как отношение или отношения, операции по индивидуации, которые он возобновляет и которые создают его самого, утверждая его как связь между разнообразными категориями его опыта,
- и кроме того, это — отношение, которое даёт человеку содержание, то есть — его реальность.

Индивид есть одновременно то, что действует в этом отношении и то, что является его результатом. Любое изменение такого отношения индивида к другим есть также изменение его «внутренних» характеристик. Кроме того, разница между «внутренним» и «внешним» представляет собой лишь относительное различие, поскольку то, что является внешним по отношению к индивиду, может становиться внутренним, так же как и внутреннее может становиться внешним. И разумеется, это движение определяет собой рост.

Одна из фундаментальных интуитивных догадок Гудмена в этом и заключается: мы не поймём, чем может *наполняться* реальность индивида, пока не постигнем значимости его отношения с окружением, поскольку индивид, рассматриваемый изолированно, есть не полная реальность, и только акт взаимодействия может позволить конвертировать операции контакта в структуру, а структуру — в операции контакта.

B. Self в ситуации

На мой взгляд, психотерапия стоит перед выбором:

- либо она опирается на модель психологии отдельного человека, например, на модель классического психоанализа, которая

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru